

СВѢТОЧИ ХРИСТІАНСТВА. *)

(Подъ впечатлѣніемъ картины г. Семирадскаго).

Впечатлѣніе это неотразимо, независимо даже отъ самаго мастерства художника. Тутъ вовсе не до этого мастерства, не до какой нибудь оцѣнки приѣмовъ творчества. Вся сила тутъ въ самомъ *дѣлѣ*—въ этихъ свѣточахъ изъ живыхъ людей, въ этомъ старцѣ и этой молодой дѣвушкѣ на высокихъ шестахъ, уже поджигаемыхъ на погѣху этой гордой въ своемъ развратѣ толпы, совершенно безстрастной и въ самомъ разгарѣ разврата, не выведенной изъ своего безстрастія даже такимъ совершенно новымъ зрѣлищемъ—плодомъ изощренной работы воображенія столь же безстрастно любующагося имъ Перона! Жаль только, что этотъ огонь, который въ самомъ дѣлѣ какъ будто *горитъ* на картинѣ, еще не успѣлъ исказить этихъ прекрасныхъ лицъ выраженіемъ невыносимой боли. Побольше, побольше самой отталкивающей, самой безобразной жизненной правды въ картину! Прочь отъ насъ смягчающее значеніе искусства съ его убаюкивающимъ вліяніемъ! Въ наше время этого не нужно! Довести бы картину до той отвратительно-ужасающей правды, отъ которой такъ долго не могъ успокоиться покойный поэтъ Ал. Толстой, увидавъ ее гдѣ-то

*) «Новое время» 1877 г. 1-го апрѣля.

въ Испаніа на монастырской стѣнѣ, воссоздавшей передъ нимъ живьемъ одну изъ свирѣпѣйшихъ казней! И вотъ при такой-то отгалкивающей правдѣ прокатить бы эти „свѣточи христіанства“ по всей Европѣ да посмотрѣть, будутъ ли хотя немного потрясены притупившіеся ея нервы!

Какъ похожа она, развращенно-самодовольная, на этого римскаго весаря—тирана съ утонченной натурой! Не зарылась ли и она, подобно ему, по самое горло, во всякаго рода удобства и наслажденія, такъ щедро ей поставляемыя ея вѣковою цивилизаціей? Не исключительно развѣ къ тому, чтобъ жилось привольнѣе (жилось и теперь, какъ въ дни оны, далеко *не встѣмъ*), приводитъ въ концѣ концовъ эта многопрославленная цивилизація? Развѣ люди не сдѣлались отъ нея только болѣе ловкими и умѣлыми, только болѣе изобрѣтательными на все—даже на легчайшіе способы истреблять другъ друга? Развѣ лучшіе жизненные соки современнаго намъ европейскаго міра не уходятъ на то, что называется *вооруженнымъ миромъ*—этимъ порожденіемъ взаимнаго недо-вѣрія отъ постоянного выглядыванья другъ у друга лакомаго куска? Не изъ-за этого ли *куска* безнаказанно горѣли и въ наши дни, горѣли еще такъ недавно такіе же точно „свѣточи“? Правда, они оставались *за стеной*, о нихъ только подробно рассказывали—не *зрительницъ*, а *слушательницъ* Европѣ. И ужасающая реляція Мак-гахана забыта такъ же легко, какъ забывается слышанное на сценѣ отъ какихънибудь трагическихъ репортеровъ! Пора бы подать намъ Шекспира въ его неподправленномъ, грубо-первоначальномъ видѣ—съ выкалываньемъ глазъ, съ выщипываньемъ бородъ—тутъ же на самой сценѣ. Пора бы вернуться къ картинамъ, изображающимъ совсѣмъ ужъ естественно то, чему свидѣтельницей была эта болгарская осьмилѣтняя дѣвочка, кото-

рую до сихъ поръ не удается вылѣчить отъ постоянныхъ обмороковъ, начавшихся съ той поры, когда ей пришлось присутствовать при истязаніяхъ родного отца *)! Да, напрасно на картинѣ г. Семирадскаго такъ поразительно *натураленъ* только огонь. Пусть художникъ подастъ намъ живьемъ *натуральныя муки*, всѣ тѣ разнообразныя муки, которыя изобрѣтены были для Христіанъ первыхъ вѣковъ и снова изобрѣтались еще такъ недавно для современныхъ восточныхъ мучениковъ... Но кто поручится намъ и теперь, что, не говоря уже объ отдѣльныхъ случаяхъ, и самое болгарское избіеніе не повторится?

Но хотя бы оно повторилось, и повторилось въ усиленной степени, и еслибы даже могло оно повториться прямо на глазахъ у всѣхъ этихъ европейскихъ пословъ и министровъ; еслибы всѣ эти ужасы разомъ предстали предъ ними во время какого нибудь обѣда и застали ихъ еще въ обычныхъ бѣлыхъ перчаткахъ произносящими свои обычные спичи, въ которыхъ такъ щтательно избѣгается всякое, сколько нибудь сырое и голое слово, еслибы весь этотъ запахъ крови и страшно-согласный концертъ раздирающихъ криковъ и стоновъ, поразивъ ихъ деликатныя чувства, держалъ ихъ прикованными къ себѣ въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ,—они бы не прервали даже и тогда нескончаемаго концерта своихъ вѣчно скрипящихъ перьевъ и не подали бы державамъ мечей, обнаженныхъ для общей освободительной цѣли. По прежнему стали бы, упорно мирвола злу и причинамъ зла, краснорѣчиво твердить о необходимости европейскаго мира! А единственная страна, уже двинувшая свои боевыя силы въ юдоли плача, по прежнему бы сдерживалась у ея границъ упорными подозрѣніями въ затаенныхъ корист-

*) См. февральскій «Дневникъ» Ф. М. Достоевскаго.

ныхъ цѣляхъ. И все изъ-за того же, всѣмъ лакомага „куска!“

Да, мѣтко выразился сатирикъ, сводя наши общественные интересы къ этому обольстительному „куску“. Но тотъ же самый „кусокъ“ остается господствующимъ двигателемъ и въ европейской политикѣ!

„Свѣточѣ“, зажженные при Неронѣ, въ свое время пролили міру тотъ новый свѣтъ, который, по пасхальному евангелію, „во тмѣ свѣтится и тма его не объять“ (такъ гласитъ и надпись на картинѣ г. Семирадскаго). Но выходитъ, что свѣтъ этотъ далеко еще не разогналъ всей тмы, если міръ по прежнему руководствуется „кускомъ“ и хвалится „вооруженнымъ миромъ“. — Тѣ же живые свѣточѣ, зажженные въ наши дни на славянскомъ востокѣ, окажутся ли болѣе дѣйствительными, болѣе побѣдоносными въ своемъ мученичествѣ? Будетъ ли это крещенье славянскаго міра огнемъ и кровью такимъ крещеньемъ его во Христа, послѣ котораго онъ въ полномъ смыслѣ и самъ бы „облекся“ въ него, и облекъ весь міръ въ христіанскую ризу любви, свободы и правды?

